

А. В. ЛАВРЕНТЬЕВ

ДВОР БОЯР РОМАНОВЫХ НА НИЖИТСКОЙ И МОНЕТНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В МОСКВЕ ВРЕМЕНИ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ 1654—1663 гг.

Археологические раскопки в Москве 1996—1998 гг. принесли сенсационное открытие — остатки мастерских по изготовлению медной монеты времени неудачной денежной реформы царя Алексея Михайловича 1654—1663 гг. Они обнаружены на территории двора на Нижитской улице, принадлежащего в первой половине XVII в. боярам Романовым, Ивану Нижитичу (ум. в 1640 г.) и его сыну, Нижите Ивановичу (ум. в 1654 г.), единственными представителям нецарственной ветви рода.¹

К самим боярам «денежный двор» никакого отношения иметь не мог: Н. И. Романов скончался в Вязьме в декабре 1654 г., столицу покинул полугодом ранее, в мае, сопровождая племянника, царя Алексея Михайловича, в поход «на недруга... польского короля Яна Казимера»,² из которого так и не вернулся; медные же копейки, в свою очередь, начали изготавливать в Москве не ранее осени 1655 г. на двух «денежных дворах», Старом и Новом.³

Найденные на бывшем дворе Романовых монеты чеканены подлинными, а не фальшивыми штемпелями,⁴ и, очевидно, существовавший здесь некогда третий столичный «денежный двор» тоже можно было бы признать официальным, если бы не отмеченное авторами первой публикации «молчание письменных источников»⁵ о факте на-

¹ Кривошеина Н., Козыгин А. Фальшивомонетчики? На царском дворе! «Знание — сила», 1997. № 3. С. 24—27.

² Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 3. С. 413—414; Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 38.

³ Спасосвятский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 128—129; Мельникова А. С. 1) Старый московский денежный двор во время денежной реформы 1654—1663 гг. // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 80—82; 2) Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 203—204.

⁴ Определение монет произведено А. С. Мельниковой и В. В. Зайцевым (Гос. Исторический музей).

⁵ Кривошеина Н., Козыгин А. Фальшивомонетчики?... С. 27.

лгия в Москве в то время еще одного центра «денежного дела». Однако последнее обстоятельство легко объясняется скудостью самих документов.

«Денежное дело» «ведалось» в Приказе Большой казны, огромный архив которого (а ведомство функционировало с 1622 по 1731 г. и, кроме монетного производства, управляло торгово-ремесленными корпорациями, руководило казенной промышленностью и т. п.) сгорел еще в XVIII в. Все, чем располагают сегодня историки, — остатки переписки приказа с другими ведомствами в количестве немногим более трех сотен единиц архивного хранения.⁶

Производство, повторимся, хотя и не имело никакого отношения к боярам Романовым, тем не менее располагалось на их дворе владении, после кончины последнего в семье отошедшем в казну. Здесь, кроме юридической стороны вопроса, связанной с практикой наследования выморочного имущества, есть и другая: бояре Романовы занимали совершенно особое положение в российской элите, являясь ближайшими родственниками «государей всех Русии», что не могло не отразиться на судьбе двора.

Последнему, в пору владения им Н. И. Романовым, между 1640 и 1654 гг., посвящена интереснейшая работа Б. С. Пушкина.⁷ Однако вне исследования остался ряд вопросов, особенно значимых в связи с нашей темой, прежде всего, о времени и обстоятельствах появления в Москве самого дворового владения, а также ведомственной принадлежности двора между 1654 г., годом кончины Н. И. Романова, и 1664 г., когда двор, что хорошо известно по документам, перешел в «ведение» Оружейной палаты.⁸ Заметим, забегая вперед, что последняя передача имела место вскоре по завершении попытки денежной реформы и отмены хождения медных денег, последовавшей 15 июня 1663 г.⁹ Собственно, связь вышеуказанных вопросов с денежным производством на бывшем дворе бояр Романовых на Никитской и стала предметом настоящей работы.

Захарьины—Юрьевы—Романовы, старомосковский боярский род, по службе и общественному положению издревле принадлежали к верхушке столичной аристократии, верно служа великим князьям Московским и царям Российским едва ли не с XIV в.¹⁰ Изначально родовое гнездо семейства располагалось в столице вблизи от Георгиевского монастыря (ныне Георгиевский переулок между улицами Большой Дмитровкой и Тверской).¹¹

⁶ Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель. М., 1991. Т. 1. С. 49—51; Ср.: Боговладельский С. К. Новый Английский денежный двор // Боговладельский С. К. Научное наследие. М., 1990. С. 233.

⁷ Пушкин Б. С. Двор боярина Никиты Ивановича Романова // Старая Москва / Изд. Комиссии по изучению старой Москвы при Имп. Московском археологическом обществе. М., 1914. Вып. 2. С. 1—15.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Лаверинья А. В. Денежная реформа 1654—1663 гг. в освещении русских летописцев XVII в. // Монеты, медали, жетоны: Сб. статей. М., 1996. С. 44.

¹⁰ Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. СПб., 1896. Ч. 1. С. 15—38.

¹¹ Назаров В. Д. Генезис Кошкиных—Захарьиных—Романовых и предание об основании Георгиевского монастыря // Историческая генеалогия. 1993. № 1. С. 22—31.

Около середины XVI в. Никита Романович Захарьин-Юрьев, женившись на княжне В. И. Ховриной, покинул фамильное владение, оставшееся за другими членами рода, и основал собственный двор на Варварке в Китай-городе, по некоторым предположениям, на полученном в приданное земельном владении супруги.¹² Здесь у «большого боярина», выдающегося государственного деятеля эпохи Ивана Грозного и весьма популярного и уважаемого среди москвичей аристократа, вскоре после переселения на Варварку женившегося вторично на княжне Е. А. Горбатой-Суздальской (первый брак был непродолжительным и бездетным — В. И. Ховрина скончалась в 1552 г.,¹³), появилось на свет многочисленное потомство, которому суждено было сыграть особую роль в истории нашего Отечества.

В боярской семье родилось двенадцать детей, из них шестеро — мальчики;¹⁴ пятеро из них достигли служилого возраста и были определены к «государеву двору», успешно двигаясь от одной его служебной ступени к другой. Судьбе, однако, было угодно неожиданно поставить многочисленный род «Никитичей», как называли братьев в Москве, на грань исчезновения. Причиной была суровая «государева опала», постигшая Романовых в 1600—1601 гг.

К этому времени владение на Варварке целиком было за братьями: Никита Романович скончался в 1586 или 1587 гг., его супруга — пятнадцатью годами ранее.¹⁵ Первенствовал в семье старший, Федор Никитич, ставший боярином еще при жизни отца, женатым на Ксении Ивановне Шестовой; в 1596 г. здесь, на Варварке, у боярина родился сын, названный в крещении Михаилом, будущий царь Михаил Федорович.

Младшие братья Федора Никитича с женой должны были, как когда-то их дед, завести себе собственные дворы. Однако к моменту опалы семьи двор имели только второй и третий по старшинству из «Никитичей» — Александр, боярин с 1598 г.¹⁶ и Михаил, тогда же пожалованный околицничеством.¹⁷ Последний до опалы успел обзавестись собственным двором на Никольской улице того же Китай-города,¹⁸ в то время как первый, похоже, продолжал жить на Варварке со старшим женатым и младшими холостыми братьями, Никитой, Иваном и Василием Никитичами, служившими столь-

¹² Памятники архитектуры Москвы: Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1983. С. 449.

¹³ Кормовая книга Московского Ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903. С. II. Бытует мнение, что первый брак боярина не был бездетным, и в нем рожден старший из сыновей Никиты Романовича, Федор Никитич, будущий патриарх Филарет (Сборник материалов... Ч. I. С. 289).

¹⁴ Сборник материалов... Ч. I. С. 290—296.

¹⁵ Кормовая книга... С. II.

¹⁶ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 73.

¹⁷ Сборник материалов... Ч. I. С. 292.

¹⁸ Хорошкевич А. Л. Расстановка политических сил в правящем сословии во время восстания в Москве в 1584 г. и «Петров чертож» столпцы // Социальная структура и классовая борьба в России XVI—XVII вв.: Сб. научных трудов. М., 1988. С. 72.

никами и стряпчими. Совместное проживание под одной крышей и сыграло в судьбе семьи роковую роль.

Осенью 1600 г. казначей Александра Никитича донес на своего господина о наличии в его казне неких «корешков»,¹⁹ которые в ходе судебного следствия были признаны уликой в подготовке боярином отравления царя Бориса Годунова. И поскольку юридическая практика того времени считала виновными в такого рода преступлениях всех, кто живет вместе с главным обвиняемым,²⁰ последние также подверглись «опале».²¹

Если проживание младших и холостых «Никитичей» под опекой старшего брата объяснимо русскими семейными традициями, то второй боярин на дворе — ситуация неординарная. Александр Никитич, что хорошо известно, еще в 1597 г. овдовел,²² но к осени 1600 г. успел жениться вторично.²³ Тем не менее «казна» Александра Никитича с пресловутыми корешками находилась на Варварском дворе Романовых — арест «Никитичей» производился именно там.²⁴

Столь подробный рассказ о Романовых важен потому, что объясняет конец фамильного владения на Варварке и появление другого, на Никитской.

Приговор по делу братьев был обнародован летом следующего, 1601 г.²⁵ Старший из братьев, боярин Федор Никитич и его жена приняли невольный иноческий постриг под именами Филарета и Марфы, были разлучены с детьми и отосланы в дальние монастыри; в тюрьмы, в «северные пределы», выслали Александра, Михаила, Ивана и Василия Никитичей (Никита Никитич скончался за два года до опалы).

Опустевшее владение на Варварке летом 1601 г. было «отписано на государя», а многочисленная дворня обрела новый статус. Аристократическая «верхушка» боярского двора, дворяне — послужильцы, составлявшие вооруженную дружину своих суверенов, вынужденно покинули столицу,²⁶ холопы — престолюбовны, ремесленники разных профессий, были переведены в посадское «тягло», превратившись из частновладельческих «слуг» в «чернослободчиков».²⁷ Таким образом, владение на Варварке, утратив населенные «романовскими людьми» соседние кварталы Китай-города, практически перестало существовать, сузившись до размеров собственно боярских палат.

¹⁹ ПСРЛ. М., 1961. Т. 14. С. 72.

²⁰ Лаврентьев А. В. Романовы и «старый государев двор» на Варварке // Лаврентьев А. В. Люди и вещи: Памятники русской истории и культуры XVI—XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1998. С. 12—13.

²¹ О «деле Романовых» см.: Василько П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 193. С. 72; Скрынников Р. Г. Борис Годунов и падение Романовых в 1600 г. // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 20.

²² Кормовая книга... С. III.

²³ Там же. С. IV.

²⁴ Скрынников Р. Г. Борис Годунов и падение Романовых... С. 119.

²⁵ АИ. СПб., 1841. Ч. 2. С. 34.

²⁶ Скрынников Р. Г. 1) Народные выступления в 1602—1603 гг. // История СССР. 1984. № 2. С. 65—66; 2) Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1983. С. 55—63.

²⁷ Лаврентьев А. В. Романовы и «старый государев двор»... С. 24.

«Казенный» статус варварского двора теоретически оставлял шанс братьям (за исключением Федора — инока Филарета) на возвращение владения — заключение для «опальных», как известно, продолжалось до «государева указа о прощении вин».²⁸ Однако уже в следующем, 1602 г., из четырех ссыльных братьев в живых остался только один, Иван Никитич, неженатый, с расстроенным здоровьем («боле старую болезнию, рукой не владеет, на ногу маленько приступает», «язык ся отнял», «коленн сволокло... и сво водят»²⁹).

Сочтя И. Н. Романова более не представляющим опасности, Борис Годунов «пожаловал» стольника, сняв «опалу» и переведя из Приуралья в Нижний Новгород.³⁰ О времени возвращения И. Н. Романова в Москву источники высказываются противоречиво. Новый летописец сообщает, что из Нижнего будущего хозяина двора на Никитской перевели сначала в родовую вотчину, с. Клины под Юрьевом-Польским, где вчерашний опальный находился вплоть до воцарения Лжедмитрия I, пожаловавшего вчерашнего «опального» боярством (лето 1605 г.).³¹ Согласно другим, будущий боярин был «взят к Москве» еще в 1603 г.³²

В любом случае важно подчеркнуть, что возвращение И. Н. Романова к придворным службам обязательно должно было сопровождаться пожалованием ему «дворового места» в столице, и логичным представляется ожидать, что именно он, теперь единственный наследник двора на Варварке,³³ получит назад семейное владение. Однако этого не произошло ни в 1603—1605 гг., ни в последовавшие затем годы Смуты. С 1613 г., по воцарении племянника, Михаила Федоровича, варварским владением распоряжалась свояченица И. Н. Романова, инокиня Марфа, сам же «старый государев двор на Варварке» обратился в своеобразную вотчинную контору по управлению многочисленными земельными владениями царской матери.³⁴ После кончины «великой иноки» двор на Варварке с домовою церковью был обращен в мужской монастырь, освященный, как и ранее храм, в честь родовой иконы Романовых, Знамения.³⁵

Итак, не позднее 1605 г. боярин И. Н. Романов, так и не вернув себе фамильного двора, должен был обзавестись новым. Это был двор на Никитской улице Белого города, пожалованный ему либо Годуновым, либо, скорее всего, Самозванцем, демонстративно по-

²⁸ *Темберг Г. Г.* Очерк политического суда и политическая преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 257—258.

²⁹ АИ. Ч. 2. С. 42, 45.

³⁰ Там же. С. 44.

³¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 54.

³² АИ. Ч. 2. С. 47.

³³ Ср.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Пгр.; Киев, 1915. С. 500—501.

³⁴ Старый государев двор в Москве в 1613—1631 гг. // *Старина и новина: Исторический сборник.* М., 1914. Кн. 17. С. 57—61.

³⁵ *Сергий, архим.* Историческое описание Московского Знаменского монастыря, что на старом государеве дворе. М., 1866. С. 14—15; *Малиновский А. Ф.* Обитание Москвы. М., 1992. С. 93—94.

кровительствовавшим «родне» («Никитичи» приходились родными племянниками первой жене Ивана Грозного).

Место, отведенное боярину, имело в Москве особый статус еще со времени «Грозного царя». В 1566 г. последний «учинил опришнину», первым шагом чего стало строительство новой царской резиденции вне стен Кремля, «опришного дворца», располагавшегося в юго-западном углу Москвы и занимавшего своими многочисленными постройками огромную территорию, включая Остоженку, Пречистскую, Арбат и Никитскую.³⁶ Выделенный из городской территории в особый «удел», он, похоже, и позднее, после отмены опричнины, сохранял подчинение дворцовому ведомству, а не перешел в ведение земских органов.³⁷

В конце апреля 1606 г. в Москву прибыла невеста Лжедмитрия, дочь Сандомирского воеводы Юрия Мишиха Марина. Под многочисленную свиту будущей царицы был отведен «царский двор» на Никитской; здесь же, на Никитской, две с половиной сотни шляхтичей во время восстания москвичей против поляков в мае того же года «оборонялись самыми большими силами... каждый на своем дворе».³⁸ Компактное размещение нескольких сотен приезжих в одном месте возможно было только при одном условии: в густонаселенной и тесно застроенной Москве вблизи Кремля существовал относительно свободный анклав с пустующими зданиями.

Есть косвенное свидетельство того, что в 1606 г. двор И. Н. Романова на Никитской уже существовал. Спасая во время майского восстания 1606 г. злосчастных «сяхов» от расправы, бояре В. И. Шуйский, будущий царь, и И. Н. Романов укрыли шляхтичей «на боярском дворе».³⁹ Здесь, без сомнения, имеется в виду дом последнего на Никитской (владение В. И. Шуйского располагалось в Кремле) — находился он вдали от временных резиденций поляков, невозможно было бы представить, как бояре смогли провести своих подопечных через бурлящий город.

Дальнейшая судьба двора на Никитской в Смуту совершенно неизвестна, хотя трудно представить, что бурные события тех лет способствовали широкомасштабному строительству и благоустройству владения. К тому же хозяин периодически вынужден был надолго оставлять столицу.

В правление Василия Шуйского (1606—1610 гг.) боярин И. Н. Романов, несмотря на имевшиеся ранее проблемы со здоровьем, неожиданно сделал удачную военную карьеру, будучи вторым воеводой большого полка и лично участвуя в военных действиях.⁴⁰ Однако следующий этап в событиях Смуты, так называемая «семибоярщина» (1610—1612 гг.) — а И. Н. Романов входил в число

³⁶ Забелин И. Е. Опришный дворец царя Ивана Грозного. М., 1893. С. 4—5.

³⁷ Там же. С. 7.

³⁸ Дневник Марины Миших. СПб., 1996 (Studiorum slavicozum monumenta; Т. 9). С. 58.

³⁹ Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 245.

⁴⁰ Белокурова С. А. Разрядные записки за Смутное время. М., 1907. С. 10—13, 15—16, 49, 87, 90, 94, 98—99, 117, 122—123, 143—144, 149, 156, 173; Восстание И. И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 105, 116.

«седмочисленных бояр» — судя по всему, определила политическую судьбу будущего царского дяди на все «послесмутное» время вплоть до кончины в 1640 г.

Бояре, как известно, в 1610 г. вели переговоры о передаче пустовавшего российского трона польскому королевичу Владиславу Сигизмундовичу, а И. Н. Романов был одним из самых горячих сторонников этой идеи.⁴¹ И даже тогда, когда к осени 1612 г. кандидатура королевича окончательно утратила поддержку большинства ее инициаторов и собравшийся в освобожденной от поляков Митаве Земский собор обсуждал имя собственного, российского претендента, коим был назван Михаил Федорович Романов, боярина, казалось бы, обязанного поддержать кандидатуру своего ближайшего родственника, пришлось уговаривать отдать свой голос племяннику.⁴²

После венчания на царство первого Романова боярин, как и другие члены старой Думы, вошел в новый «сигизмт»,⁴³ но бросается в глаза заметная отстраненность его от крупных постов и важнейших дел.⁴⁴ Для нас, скорее всего, навсегда будут скрыты причины столь скептического отношения дяди к избранию племянника, но ясно одно — отношение это не было ни прощено, ни забыто как «второпрестоловавшей» при сыне (выражение дядка И. Тимофеева) «вельжкой илюкой» Марфой Ивановной, так и вернувшимся в 1619 г. из польского плена братом, патриархом Филаретом Никитичем.

Впрочем, на материальном положении боярина внутрисемейные коллизии, скорее всего, не отразились. К 1622 г. относится первое известие о строительных работах на Никитской: И. Н. Романов получил разрешение на беспопытный провоз в Москву «хоромного леса»,⁴⁵ а не позднее 1625 г. на боярском дворе была освящена терковь в честь родового палладиума, иконы Знаменья,⁴⁶ как и храм на прежнем, варварском дворе Романовых.

Судя по тому, что на посольские «встречи» И. Н. Романов выставлял до четырех десятков «даточных конных людей»,⁴⁷ был восстановлен и «двор» из холопов-«послужильцев»; число боярских «слуг» двора на Никитской доходило до 350 человек.⁴⁸

К моменту кончины И. Н. Романова в 1640 г. единственным наследником остался младший из сыновей боярина, Н. И. Романов, стольник при дворе двоюродного брата, царя Михаила Федоровича. К нему и перешел двор на Никитской. Боярство Н. И. Романову было «сказано» в 1645 г., при восшествии престол племянника, царя

⁴¹ Платонов С. Ф. Очерки истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995. С. 301.

⁴² Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о Земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 95.

⁴³ Платонов С. Ф. Московское правительство при первых Романовых // Платонов С. Ф. Сочинения. СПб., 1912. Т. 1. С. 371—373.

⁴⁴ Лаврентьев А. В. Романовы и «старый государев двор»... С. 32—34.

⁴⁵ См. Приложение I.

⁴⁶ Пушкин Б. С. Двор боярина Никиты Ивановича Романова. С. 4—5.

⁴⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1918. Романова—Рисовский. С. 34.

⁴⁸ Пушкин Б. С. Двор боярина Никиты Ивановича Романова. С. 5.

Алексея Михайловича, причем минуя окольность, что нельзя расширить иначе, как знак восстановления нормальных отношений между ближайшими родственниками. Не игравший сколько-нибудь заметной роли в политической жизни, царский дядя был, как сообщают современники, человеком экстравагантным, любителем иностранных диковинок, (ему, например, принадлежал знаменитый ботик, тот, что много лет спустя найдет в подмосковном Измайлове, вотчинах Н. И. Романова, юный Петр I), убежденным холостяком с весьма независимым нравом.³⁰ Принадлежа к богатейшим аристократам России, боярин придал двору на Никитской особый блеск и великолепие, сосредоточив за его стенами огромные богатства.

Боярин Н. И. Романов скончался бездетным вдали от дома, в Вязьме, где с октября 1654 г. находились «государев двор» и армия, готовясь к весенней кампании следующего года против войск Речи Посполитой.³¹ Два года спустя воевода Вязьмы князь Д. Бяргинский переслал в Москву выморочное имущество боярина, «фрукляды 12 сундуков да ушат», пополнившие гигантскую опись движимого имущества двора на Никитской, составленную после получения в столице известия о кончине хозяина.³²

Теперь властям надлежало распорядиться обширным наследием бояр Романовых. Русская юридическая практика предписывала в подобных случаях передать недвижимости «на государско имя», движимое же имущество отходило церкви на помин души покойного,³³ в связи с чем, собственно, и составлялась Ростись. В 1630 г. так же поступили с выморочным имуществом боярина Ф. И. Мстиславского, последнего в роде, по кончине вдовы переписав богатства фамильного двора в Кремле, но без построек.³⁴

После «высказан» выморочные «дворы» отходили в казенное пользование. Так, владение князя Ф. И. Мстиславского использовалось Стрелецким приказом как караульное помещение,³⁵ двор скончавшегося в 1638 г. думного дьяка И. Т. Грамотина — Посольским приказом для размещения иностранных посольств, приезжавших в Москву.³⁶

Многочисленные «слуги» двора по традиции должны были получить волю. Однако дворянскую часть романовских «холопов» ждала иная судьба. В апреле 1655 г. бывшим боярским двором управляла новая администрация, «конюшенного чину столповой при-

³⁰ Русский биографический словарь. С116., 1912. Романовы—Расовские. С. 39.

³¹ Кошелев О. Е. Боярство и дело патриарха Никона // Вопросы истории СССР. М., 1982. Вып. 12. С. 19—20.

³² Дворянские разряды. Т. 3. С. 454; Мамцын А. И. Россия и Белоруссия. С. 55.

³³ ЧОИДР. 1887. Кн. 3. С. 1—128 («Ростись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось после смерти боярина Никиты Ивановича Романова и дачи по нем на помин»). Далее в примечаниях: Ростись).

³⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 505.

³⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 1. Д. 674. Л. 1—15.

³⁶ Там же. Ч. 7. Д. 8124; Бажитова Н. А. Общественка московских приказов в XVII веке // Труды Гос. Исторического музея. М., 1926. Вып. 3. С. 55—56.

³⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 7. Д. 9173.

каприз» Ш. Анисников, управляющий царской «аргамачьей конюшней»³⁷ и «с ключом у уварей и казны» А. Щелканов.³⁸ Следовательно, двор Романовых на Никитской перешел в ведение Конюшенного приказа.

В это же ведомство «в конюшенный чин» были взяты на службу «слуга» из дворян двое стряпчим конюхами,³⁹ тридцать два — стряпчим конюхами,⁴⁰ один занял высокую должность приказного казначея (это был Т. Марков, ранее отправлявший те же обязанности на боярском дворе⁴¹). Всем по вступлении в приказные должности пожаловали по двойному годовому окладу из боярских «животов».⁴²

Конюшенный приказ относился к числу «домовых приказов», «дворов царских», находившихся в привилегированном положении относительно прочих приказных учреждений и издавал управлялся конюшней, первенствовавшим среди бояр Думы.⁴³ «Конюшенные чины», в свою очередь, в силу служебной близости к монарху, обязывались лично «всегда быти с государем», формировались исключительно из местных дворян, «костей боярских добрых».⁴⁴ Тот же новый управляющий двором, Ш. Анисников, один из полтора десятков «столповых приказчиков»,⁴⁵ принадлежал к дворянскому роду, представители которого в XVII в. служили при «государевом дворе» в стольниках и стряпчих,⁴⁶ вновь поверстаные в службу бывшие «люди» бояр Романовых, стряпчим и конюхи, как и их коллеги, взятые в приказ ранее, были дворянами и жаловались за приказную службу поместьями и вотчинами.⁴⁷

Совершенно очевидно, что перевод вчерашних «олопов» на службу в дворцовое ведомство осуществлялся корпоративно, с сохранением прежней чиновной «системы», какой она сложилась на никитском дворе Романовых. И без сомнения, ведущим мотивом верстания было родство прежних хозяев двора с царским домом. Так, в подобной же ситуации ни один из трех десятков «слуг» выморочного двора боярина И. А. Воротынского, кстати, свояка Н. И. Романова, скончавшегося бездетным в 1698 г., не попал на службу к «государеву двору».⁴⁸ С другой стороны, после кончины в 1633 г. Филарета Никитича три десятка стольников светского

³⁷ Ростисъ. С. 27.

³⁸ Там же. С. 39.

³⁹ Ростисъ. С. 28—29.

⁴⁰ Там же. С. 34—35.

⁴¹ Там же. С. 42—43.

⁴² Там же. С. 87—92.

⁴³ «А которой бывае конюшней, тот в первой боярех чином и честию» (Коломакин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 81). Подробнее см.: Курманов Л. П. К истории Конюшенного приказа в XVII в. по «Описи ратным конюшенным вестям и катю» 1706 г. // АЕ за 1980 г. М., 1981. С. 177—178.

⁴⁴ Коломакин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 82.

⁴⁵ Златовский Н. Историческое исследование о конюшнейском деле в России. СПб., 1889. Ч. 1. С. 34, 48.

⁴⁶ Славов Л. М. Родословные записки. М., 1906. Вып. 1. С. 62.

⁴⁷ Коломакин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 82.

⁴⁸ Замерский Н. А. Боярский двор: Страница из жизни одного боярского дома // Русский исторический журнал. 1932. № 8. С. 112—114.

«двора» патриарха были поверстаны корпоративно, как и в случае со «слутами» бояр Романовых, на «государев двор».⁶⁹

Таким образом, боярский двор на Никитской, и в смысле «дворового места» с постройками, и в смысле людского сообщества с определенной внутренней «планомерной организацией, выработавшей... своеобразную нравственную связь и отсюда почерпывающей особую историческую жизненность»,⁷⁰ вошел в обширное дворцовое хозяйство «государей всея Руси».

Выяснилось также, что Кондошениный приказ не был единственным приказным учреждением, разместившимся на дворе. В январе 1663 г. возглавлявшему Приказ каменных дел дворянину Я. И. Загряжскому и дьяку того же приказа В. Будычеву было предписано силами приписанных к ведомству мастеров «на дворе боярина Никиты Ивановича Романова в полятах в камешных... починить» для того, чтобы перенести в обветшавшие к тому времени центральные покои усадьбы оружие.⁷¹ Летом того же года, по окончании ремонтных работ, «мушкеты, и карабины, и пистолы золоченые нарядные... и бандельеры золоченые же, и списы» перевезли на Никитскую.⁷²

Для «береженья» драгоценного оружия «полагам» понадобилась охрана. Выяснилось, что в настоящий момент «караульных сторожей у тех полат... нет»,⁷³ хотя тут же, по соседству, на бывшем боярском дворе, имеется стрелецкий караул — «стрелцы... стоят на денежном дворе тех же полат (здесь и далее разрядка моя. — А. Л.)», более того, ранее здесь была «караульная сторожа... стрельцы по пять человек, как по указу великого государя стояли стрельцы на денежном дворе».⁷⁴

Таким образом, ситуацию надо понимать так, что на Никитской действовал монастырский двор, к началу 1663 г. уже свергнувший производство (напомним, что указ об отмене хождения медных денег был обнародован летом того же года), в связи с чем каменные «полаты» оказались свободными и лишились стрелецкого караула.

Отписки о прикомандировании стрельцов для охраны «оружья» были отправлены из Приказа тайных дел. Одна адресовалась окольному И. Б. Бярытинскому, судье Приказа денежных сыскных дел,⁷⁵ дворянину А. М. Рчинову, фактически возглавлявшему ведомство с 1662 г.,⁷⁶ и дьяку того же приказа Н. Бакунину,⁷⁷ вторая — главе Приказа Большой казны И. Д. Милославскому⁷⁸ и дьякам

⁶⁹ Люткина Е. Ф. Стольники патриарха Филарета в составе двора царя Михаила Федоровича (1619—1633) // Социальная структура и классовая борьба в России XVI—XVII вв. С. 97—114.

⁷⁰ Заозерский А. И. Боярский двор... С. 112.

⁷¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 7. Д. 8324.

⁷² Там же. Д. 8573. Л. 3.

⁷³ Там же. Л. 3—4.

⁷⁴ См. Приложение 2. Далее в тексте цитаты из документа приводятся без осылок.

⁷⁵ Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века: Справочник. М.; Л., 1946. С. 235.

⁷⁶ Русский биографический словарь: Романовы—Рисовский. С. 642—643.

⁷⁷ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 41.

⁷⁸ Богоявленский С. К. Приказные судьи... С. 274.

А. Дурову и И. Патрикееву,⁷⁹ обе предписывали возобновить стрелковый караул. Следовательно, неизвестный ранее «денежный двор» подчинялся не только Приказу Большой казны, как и все иные «дворы», как до, так и после реформы, а еще и Приказу сыскных денежных дел.

Итак, загадка, преподнесенная археологическими раскопками, разрешилась просто: найдены остатки ранее неизвестного монетного двора эпохи «медной» реформы 1654—1663 гг., не использовавшего в работе самостоятельных чеканов. Выяснение обстоятельств его появления и особенностей производства — задача специального исследования. Пока же рискнем предположить, что этот центр «денежного дела» все-таки упоминался ранее в литературе, но ошибочно идентифицировался с другим.

Выдающийся исследователь русской нумизматики И. Г. Спасский обратил внимание на единичное свидетельство документов о существовании в Москве в 1660 г. некоего «дворцового денежного двора», на котором в «денежных мастерах» трудились два иконописца, Назар Семенов и Афанасий Федоров Ярославец; как предположил историк, речь шла о Старом денежном дворе, располагавшемся в Кремле близ царских покоев.⁸⁰

Однако наименование «дворцовый» может быть истолковано в этом случае и иным образом. Во-первых, как правило, применительно к собственно дворцу употреблялось прилагательное «верхний» («Верхняя типография» в Кремле Симеона Полоцкого, «верхние» соборы и церкви царского дворца, «язять к государю в верх» в смысле «отнести во дворец» и т. п.). Во-вторых, «дворцовыми» называли либо ведомства, обслуживающие нужды дворца, либо принадлежавшие царской семье владения вне стен Кремля («дворцовые села» Коломенское, Измайлово, Тайнинское и др.). И поскольку центром управления «денежным делом» оставался по-прежнему Приказ Большой казны и нет никаких данных о переподчинении монетных дворов дворцовым приказам, остается предположить, что «дворцовый денежный двор» функционировал на принадлежащих лично государю площадях, к которым с 1655 г. относятся в том числе и двор бояр Романовых на Никитской.

Более чем любопытны сведения о том, что «денежными мастерами» «дворцового денежного двора» были два иконописца: на прочие монетные дворы их набирали из «вольных охочих людей». В данном случае важна не профессия, а то, что оба были «казенными иконописцами» Оружейной палаты,⁸¹ т. е. государственными служащими другого приказного ведомства, также принадлежавшего к числу дворцовых приказов. Тут речь шла не об обычном вольном найме мастеров, а о прикомандировании «казенных иконописцев» к казенному же «денежному делу».

⁷⁹ Веселовский С. Е. Дьяки и подьячие... С. 165, 440.

⁸⁰ Спасский И. Г. Денежное хозяйство... С. 129.

⁸¹ Забелин И. Е. Материалы для истории русской иконописи // ВМОИДР. 1850. Кн. 7. С. 28.

Весьма условно можно определить и хронологические рамки функционирования монетного производства на Никитской, коль скоро речь идет именно о «дворцовом денежном дворе». Один из его мастеров-иконописков, А. Семенов, в 1657 г. еще исполнял художественные работы в Кремле.⁸² Следовательно, чеканка медной монеты началась здесь не в 1655 г., как на Старом и Новом дворах, а не ранее 1657 г. и завершилась, или была в значительной мере свернута, к началу 1663 г., еще до официального указа об отмене хождения медных денег в России, появившегося в июне того же года.

Что же касается Приказа сыскных денежных дел, которому наряду с Приказом Большой казны подчинялся «денежный двор» на Никитской, то об этом надзорном, судя по названию, учреждении практически ничего неизвестно, за исключением того, что его судьи принадлежали к низшим «думным» чинам (думным дворянам и окольныхчим), в отличие от Приказа Большой казны, управлявшегося первенствующим боярином Думы, и что они упоминаются только между 1660 и 1662 гг.⁸³ Скорее всего, приказ был создан в ходе денежной реформы и с ее окончанием прекратил свое существование.

Таким образом, история дворового владения Романовых на Никитской, статус владения после перехода в казенное пользование оказались тесно связаны с историей проведения в России денежной реформы 1654—1663 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

УКАЗ О БЕСПЛОЩИННОМ ПРОПУСКЕ «ХОРОМНОГО ЛЕСА» БОЯРИНА Н. И. РОМАНОВА ИЗ СОЛОТЧИ В МОСКВУ

10 января 1622 г.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси от Солотчи Окою рекою до Коломны и Москвою рекою до Москвы мытчицам и перевозчицам.

Был нам челом боярина нашего Ивана Никитича Романова человек Кирп Коровин, а сказал:

Гнати же на обиход государя нашего боярина Ивана Никитича на хоромы к Москве Окою и Москвою рекою в дву подьях Безсонову Ослетову да Кондрашке Исасву с Солотчи. И нам бы его пожаловать, с того его хоромного лесу мыта и посаженново и явки и с людей головищины по рекам и по перевозом гнати не велеть и от Солотчи по Оке и по Москве реке до Москвы мытчицом в перевозчицом боярина нашего Ивана Никитича Романова с хоромнова

⁸² Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в.: Словарь. М., 1910. С. 310—311.

⁸³ Бозоявленский С. К. Приказные судьи... С. 195.

лесу в дву лодьях мыта и посаженново и явки и с людей головищны ис имать.

А прочтя, сю грамоту отдавать Безсонке Ослетееву да Кондрацке Исасву.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 39889. Черновик.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ОТПИСКИ ИЗ ПРИКАЗА ТАЙНЫХ ДЕЛ ОБ ОТПУСКЕ СТРЕЛЬЦОВ ДЛЯ ОХРАНЫ КАМЕННЫХ ПАЛАТ НА ДВОРЕ БОЯРИНА Н. И. РОМАНОВА

Май—июнь 1663 г.

171 году мая в 30 день. Отписать в Оружейную палату, а кому пипут, в Приказ денежного дела *околыничему князю Ивану Петроичю Борятинскому да Артемью Михайловичю Рчинову да к дяку к Микифору Бакунину*

Лета 7171 году июня в 3 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу околыничему князю Ивану Петровичю Борятинскому да Ортемью Михайловичю Рчинову до дяку Микифору Бакунину.

В июньшнем во 171 м году по указу великого государя ис Приказу его великого государя тайных дел ружье — мушкеты и карабины и пистоли золоченые нарядные в ольстрах и бандельерах золоченых же, и списы — принять в Оружейную полату. И перевезено то ружье в полаты на двор боярина Никиты Ивановича Романова, а караульных сторожей у тех полат к тому ружью нет.

И великий государь указал у тех полат у ружья, у печати и у замков быть на караульной стороже стрельцом, тем же, которые стоят на денежном дворе тех же полат. А к тебе, околыничему князю Ивану Петровичю, и Ортемью Михайловичю, и к дяку Микифору, указал великий государь послать память.

А по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу околыничему князю Ивану Петровичю Борятинскому да Ортемью Михайловичю Рчинову да дяку Микифору Бакунину о караульной стороже учинить по сему великого государя указу.

** Того же числа послана с приставом с Михаилом Кляньшниковым**

Лета 7171 году июня в 30 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца указу боярину Илье Даниловичю Милославскому да дяком Александру Дурову да Ивану Патрекееву.

В нынешнем во 171 м году по указу великого государя ис Приказу его великого государя тайных дел многое ружье — мушкеты и карабины и пистолы золочены наградные в ольстрах и бандельсрах золоченых же, и списы — да ис Приказу его великого государя Большие казны прислано многое жалованное ружье, и то все принято в Оружейную полату и перенесено ис Оружейные полаты на двор боярина Никиты Ивановича Романова, а караульных сторожей ныне у тех полат нет.

А наперед сего у тех полат, где ружье положено, караульная сторожа была, стрельцы по пять человек, как по указу великого государя стояли стрельцы на денежном дворе.

И ныне указал великий государь у тех полат, где положено то ружье, у печатей и у замков быти по прежнему ж стрельцом пяти человеком до ево государева указу. А к тебе, боярину Илье Давыловичю и к дьяком указал великий государь послать память для дачи тех стрельцов пяти человек для сторожи к тому ружью, и в Приказ послана память.

И по государеву указу боярину Илье Давыловичю Милославскому да дьяком Александру Дурову да Ивану Патрексеву учинить по сему великого государя указу.

Послана з Григорьсм***

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 7. Д. 8573. Л. 1—6. Черновик.

— Написано другим почерком.

— Написано на обратной стороне листа.

*** Фраза не дописана.